

- высокая, средняя или низкая частотность, свидетельствующая о роли соответствующего концепта в национальном сознании;
- многополюсность (потенциал для акцентирования различных личностных и политических качеств) или однополюсность (возможность акцентирования лишь одного качества);
- преобладание негативной или позитивной оценки, а также типичность безоценочного использования;
- широкие, средние или минимальные возможности для коннотативного использования;
- использование преимущественно в одном виде дискурса (например, в политическом) или же типичность для различных видов дискурса;
- принадлежность к центральной зоне поля прецедентности или же к ее периферии.

Именно использование корпусной методологии дает возможность для точного определения каждого из перечисленных параметров. С учетом малой частотности многих рассмотренных имен властителей, оказалось необходимым использовать специализированный многомиллионный оппортунистический корпус.

Примечания

1. Будаев Э. В. Сопоставительная политическая метафорология : автореф. дис. ... докт. филол. наук. Екатеринбург, 2010.

2. Будаев Э. В. Гносеологический потенциал метода комбинированной фрагментации политического дискурса // Полит. лингвистика. 2011. № 3. С. 11–17.

© Г. Н. Плотникова
УрФУ, г. Екатеринбург

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В СОСТАВЕ ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВ

Как известно, морфемная структура русского слова тесно связана со словообразовательной структурой. И оба эти понятия соотносятся непосредственно с такими деривационными явлениями, как производность и членимость слова, учет которых влияет на характер выделенных словообразовательных элементов (ср., например: вс-е-народный и все-возможный).

При определении морфемного состава слова важнейшим требованием, по мнению многих ученых (Н. Д. Арутюнова, В. А. Белошапкова, А. К. Карпов, А. Н. Тихонов и др.), является синхронный подход к слову. Еще В. А. Богородицкий говорил о том, что необходимо «рассматривать морфологический состав слова, как он чувствуется в современном русском языке, т. е. статически» [1]. Это, безусловно, касается русских слов, но еще в большей степени имеет отношение к иноязычным словам, поскольку не только генетические связи, но и многие современные связи с другими языковыми единицами в языке-источнике могут быть для нас неясны. В связи с этим к морфемному членению иноязычных слов, на наш взгляд, следует подходить с несколько иными критериями.

Думается, что для определения статуса иноязычного словообразовательного элемента следует учитывать уровень эксплицитности (прозрачности) его словообразовательного значения и степень его продуктивности. При этом понятие продуктивности / непродуктивности рассматривается не просто с позиции количественного состава лексем с данным словообразовательным элементом в русском языке, но и с учетом характера его функционирования, то есть, во-первых, имеется ли он только в составе иноязычных слов или в соединении и с русскими (или обрусевшими) основами; во-вторых, проявляет ли он свою активность в русском языке на современном этапе. С учетом сказанного, иноязычные словообразовательные элементы можно разделить на две группы.

К первой группе (наиболее многочисленной) относятся словообразовательные элементы, имеющие в русском языке статус полноценной *морфемы*, т. е. отвечающие всем вышеперечисленным критериям. Это прежде всего аффиксы (приставки: *а-*, *анти-*, *супер-* и др.; суффиксы: *-изм*, *-ист*, *-ер* и др.). К ним примыкают словообразовательные элементы (в большинстве случаев греко-латинского происхождения), которые также широко распространены в современном русском языке и в научной литературе имеют статус *суффиксоидов* (*кино-*, *фото-*, *авто-*, *био-* и др.). Они тоже отвечают всем вышеперечисленным требованиям, но отличаются от морфем тем, что, выполняя словообразовательную функцию, имеют и лексическое значение, которое служит основанием для формирования словообразовательной семантики.

К этой же группе можно отнести и новые словообразовательные элементы, находящиеся в процессе русификации (назовем их *неофиксами*), которые по прошествии некоторого времени могут занять свое место среди иноязычных морфем или аффиксоидов. Например, препозитивный элемент **арт-**, который в толковых словарях XX века не представлен как значимый элемент слова, а в словаре Г. Н. Скляревской находим: *арт-бизнес*, *арт-шоу*, *арт-тусовка*, к тому же в СМИ находим: *арт-мероприятие*, *арт-представление*, а также: *артвечер*, *арткомпания* и др. Или постпозитивный элемент **-инг**, который, с одной стороны, представлен в довольно большом количестве иноязычных слов (прежде всего — англицизмов), активно входящих в русский язык и зафиксированных во многих толковых словарях, в том числе и в выше указанном: *аутотренинг*, *боулинг*, *сноубординг*, *шопинг* и др. А с другой стороны, наблюдаем активизацию этого элемента в русском языке (пока на уровне речи), где он присоединяется как к иноязычным основам, так и к русским (примеры взяты из газеты «Комсомольская правда»): *саунинг* (о деловой встрече в сауне), *фишинг* (о деловой встрече на рыбалке), *банкетинг* (о деловой встрече на банкете), а также: *шубинг* (о посещении магазинов с целью покупки шубы) и др.

Ко второй группе относятся словообразовательные элементы, не соответствующие всем необходимым критериям для получения статуса морфемы. Среди них можно выделить элементы, имеющие малую продуктивность по отношению ко всем позициям, обозначенным ранее (назовем их *морфоидами*), хотя другие признаки морфем в них могут быть представлены; например, элемент **-ариус**, встречающийся лишь в словах: *архивариус*, *нотариус*, *сценариус*, *актуариус*; или препозиционный элемент **аван-** в словах: *аванзал*, *аванложка*, *аванпорт*, *аванпост*, *авансцена*. К этим элементам можно причислить и *связанные морфоиды*, которые входят в состав связанных основ, ср. слова: *сим-патия* и *анти-патия*, *аван-гард* и *арьер-гард*.

Ко второй группе относятся также элементы, которые характеризуются не только малой продуктивностью, но и завуалированной словообразовательной семантикой (назовем их *морфиксами*), например, элемент **-терий** в слове *кафетерий*, элемент **-под** в слове *антипод* и др.

Таким образом, как видно из приведенных примеров, формальная структура иноязычного слова с точки зрения современного русского языка не укладывается в рамки морфемной структуры русского слова и требует дальнейшего исследования.

Примечание

1. Богородицкий В. А. Очерки по языкознанию и русскому языку. М., 1939. С. 173.

© Т. И. Стексова
НГПУ, Новосибирск

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФРАЗЕМЫ С НЕЗАКРЕПЛЕННЫМ ЛЕКСИЧЕСКИМ НАПОЛНЕНИЕМ

В докладе рассматриваются конструкция *Что касается N₂, то + ПЕ* и производная от нее *Что до N₂, то + ПЕ*. Формально предложения, построенные по данной схеме, полипредикативны, но по своим семантическим свойствам они являются монопропозитивными. Асимметрия означаемого и означающего обусловлена в немалой степени тем, что глагол *касаться* в данной структуре утрачивает способность к формоизменению и функционирует только в одной застывшей форме, которая десемантизируется. Это позволило ряду исследователей справедливо отнести весь оборот *что касается N₂, то* к служебным словам. Все остальные компоненты предложения, построенного по данной схеме, лексически ничем не ограничены.

Монопропозитивность этих и подобных предложений легко доказывается простейшей трансформацией предложений. Одна пропозиция искусственно «расщепляется» на две предикативные единицы. Подобные предложения в лингвистике получили наименование расщепленных предложений. Под расщепленным предложением понимается сложное предложение, в котором пропозиция выражается с помощью главного и подчиненного предложений. Частотность и стилистическая «всеядность» подобных предложений приводит к логическому выводу о том, что речевая избыточность в данных случаях не является свидетельством стилистической неграмотности говорящих, она функционально значима. Обычно использование подобных конструкций рассматривают в связи с